

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ИДИОЛЕКТА ТВОРЦА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ А. АРИПОВА)

Статья посвящена анализу идиолекта автора в поэзии Абдуллы Арипова. В связи с изучением индивидуального стиля А. Арипова раскрывается особенность, разнообразие и богатство узбекского языка конца XX столетия.

Ключевые слова: узбекский литературный язык, поэзия А. Арипова, лингвопоэтический аспект, художественный метод поэта, традиционные и нетрадиционные поэтические единицы.

Всем известно, что в научной оценке мастерства определённого творца особую значимость приобретает анализ использования им индивидуального языка, проведённого через «сито» потенциальных возможностей, что является одним из важнейших задач филологической науки в объективном изучении языка художественной литературы, индивидуальной художественной речи. Кроме того, творец, наряду с использованием лингвистических возможностей языка, вносит с целью его широкого и глубокого изучения свой вклад по сравнению с другими членами языкового общества. Следовательно, если мастерство творца по использованию языка индивида имеет значимость по принципу «язык – речь», с одной стороны, то, с другой, подход в аспекте «речь – язык» с точки зрения обогащения его лингвистических возможностей приобретает научную ценность.

Размышляя о проблемах сферы художественной речи, языковед Б. Умуракулов в своём монографическом исследовании «Лексика поэтической речи» утверждает мысль о возможности изучения художественной речи. Языковед разделяет работы, посвящённые особенностям художественной речи, на три группы по следующим характерным признакам: «1) общие проблемы языка художественной литературы; 2) изучение языка художественной литературы в лингвистическом аспекте; 3) изучение языка художественной литературы в литературоведческом аспекте»¹.

Как известно, работы, анализирующие мастерство использования языковых возможностей, посвящены научному изучению индивидуальной художественной речи в том или ином аспекте. Подобные исследования можно разделить на лингвистические и лингвопоэтические. В настоящее время одной из актуальных задач является исследование особенностей поэтики Абдуллы Арипова в этом плане. В его поэзии

на высоком художественном уровне изображена жизнь, чаяния и стремления узбекского народа, мастерски раскрываются возможности национального языка, пронизанные национальным духом.

Соответственно в литературоведении широко изучается поэтика Абдуллы Арипова. По признанию Б. Назарова, «в истории узбекской поэтики за последние 30–35 лет XX столетия редко встретишь такого поэта, как Абдулла Арипов, столь привлекшего внимание критиков»².

Ещё в 60-е годы XX столетия Абдулла Арипов, используя мастерски художественно-образительные средства и языковые богатства узбекского языка для создания неповторимого художественного образа, достиг оригинальных высот в поэтическом изображении. Его лирические стихотворения «Муҳаббат» («Любовь»), «Биринчи муҳаббатим» («Моя первая любовь»), «Онажон» («Мамочка»), «Онажоним, шеърият» («Жизнь моя – поэзия»), «Ўзбекистон ватаним маним» («Узбекистан, родина моя»), поэмы «Жаннатга йул» («Дорога в рай»), «Ҳаким ва ажал» («Ученый и смерть»), некоторые переводные работы успешно заняли достойное место среди сокровищницы узбекской классической литературы. В них проявились художественные достоинства современного узбекского языка. Придание прекрасной художественной формы каждому слову, каждому выражению, использованному поэтом в узуальном и окказиональном значениях, как плодам прекрасного философского мышления, демонстрирует, насколько поэт мастерски использует богатство родного языка.

Такое зрелое мастерство в использовании слов в художественном творчестве Абдуллы Арипова столь же весомо, как и в творчестве Гафура Гуляма, Хамида Алимджана, Миртемира, Эркина Вахидова. Разумеется, это достигается неповторимым своеобразным худо-

жественным методом поэта, использованном в двустипииях:

Чехраи заррин сира кўрмакка ҳожат қолмади,

Шамс нарвони уза агёр эрур пайдо бу ку.

«Йиллар армони»

Блестящий лик увидеть совершенно нет надобности,

По солнечной лестнице соперник появляется в этот день.

«Годы сожаления»

Сочетание *шамс нарвони* «солнечная лестница» является поэтическим сочетанием, созданным автором. Сочетание полностью отвечает требованиям художественного замысла поэта, прежде всего, ритмом стихотворения и своим прямым значением.

Слова, использованные поэтом в лирических текстах, можно разделить на традиционные и нетрадиционные поэтические единицы. Здесь важно учесть два аспекта. Лексические единицы, являющиеся нетрадиционными для литературного языка, в художественной литературе могут быть традиционными. Например, слово *хилол* «поэтическое название молодого месяца» для современного узбекского литературного языка является архаичной единицей. Однако в художественной речи оно сохраняет признак традиционности.

Нун лабинг узра сокин колди хилолдек коматим,

Харф уйин айлай десам, узга эрур имло бу кун.

«Йиллар армони»

Мой стан безмолвно, как месяц молодой, одеревенел

Около губ твоих, как нун³.

Хотел было затеять буквенные игры, но сегодня

Являются другие правописания.

«Годы сожаления»

Хотя такие слова, как *бахр* «море, океан», *уммон* «безбрежное море», *шамс* «солнце» и другие в современном узбекском литературном языке несколько ограничены в употреблении и считаются архаизмами, однако в художественной литературе, в частности, в поэтике Абдуллы Арипова эти и подобные единицы входят в состав активной художественной лексики.

В следующих текстах можем наблюдать, в какой мере ряд современных пассивных лексических сочетаний в поэзии Абдуллы Арипова получил предпочтение в употреблении и раскрылся с новой художественной красотой. На-

пример, такие слова, как *йирок* «далёкий, дальний», *югурик* «быстродвигающийся, бегущий» *дардкаш* «страдающий, печальный», *руё* «сон, грёзы», *кахкашон* «Млечный путь» были активизированы пером поэта и как лексические единицы приобрели новую значимость.

Букун: Чархи кажрафторнинг шеваси доим шул экан,

Васл уйида гайр эли айлаб юрар ялло бу кун.

В этот день: Обычно колесо судьбы всегда таково,

В доме влюблённых в этот день довольствуется чужой народ.

«Годы сожаления»

Руё: Агар адашмаса шу совук симлар,

Гар шул эшитганим булмаса руё.

«Йиллар армони»

Сновидение: Если не обманывают эти холодные провода,

Хоть бы не произошло того, что я услышал.

«Годы сожаления»

В следующем двустипии с целью оригинального и воздействующего выражения переживаний лирического героя используются окказиональные слова с полноценной экспрессивной окраской:

Севгидан етиму умрдан ярим,

Куриган кўксида ёлгиз беланчак.

«Аёл»

Как сирота... Обречена на муку...

В объятьях люлька, пред глазами - мгла.

«Женищина»

Как принято, слово *етим* «сирота» используется в том смысле, когда человек или животное (*етим кўзи* «сирота-овечка»), обычно в раннем возрасте, остается без отца или матери. Поэт же использовал данную лексическую единицу с целью выражения такого понятия, как безвременное лишение женщины таких священных чувств, как любовь, влюбленность.

Излюбленные единицы, как *ёрсиз* «без возлюбленного» и *хижронзада* «пострадавшая в разлуке», являющиеся традиционными в художественной литературе, в сравнении с окказиональным *етим* становятся истёртыми и бесцветными. Непредсказанное судьбою одиночество человека, жизнь без супружества поэт сравнивает с высохшим деревом. В результате использования поэтом в речи таких слов, изображающих состояние человека, оживает художественность стихотворной формы.

В некоторых случаях автор сознательно использует для архаизации или же повышения

художественности отжившие огузские морфолого-грамматические лексемы. Так, например, в стихотворении-гимне Абдуллы Арипова «Узбекистан»:

Бир ўлка бор дунёда бироқ,

*Битилмаган достонидир бори:
Фақат ожиз қаламим маним,
Ўзбекистон, ватаним маним.⁴*

*А мой прекрасный край – земля моя!
Она, как была неспетого дастана!
Но бессильно перо мое, друзья, –
Узбекистан мой, Родина моя!⁵*

В этом случае использована смешанная карлукско-огузская форма – *маним*. Полная огузская форма слова *маним* «мой, -я, -ё, -и», по-старотюркски – *баним*, должна соответствовать чисто карлукской форме – *менинг*. Используя смешанную форму *маним*, поэт достиг высокой художественности. Применение здесь формы *маним* определяется требованием рифмы как части ритма. В словах *меним* и *менинг* количественные и качественные знаки слогов (в частности, открытость первого слога, закрытость второго слога и окончание на сонорный) одинаковы⁶. Поэт с целью обеспечения художественности, возвышенности и выразительности, создания нового содержания и логической нагрузки придаёт соответствующей морфологической форме поэтическую окраску. При воплощении художественного мышления в синтаксические конструкции

творческой поэтической речи также можно наблюдать его самобытное мастерство.

В заключение можно сказать, что А. Арипов, как непревзойденный мастер слова, отличающийся особым своеобразием художественной поэзии, бесподобно раскрыл богатство и лексические возможности узбекского языка. Поэтому исследование его поэзии в историко-этимологическом, тематическом, статистическом и семантическом планах имеет огромное значение в объективной и правильной оценке состояния узбекского языка в последней четверти XX столетия.

Примечания

¹ Умуркулов, Б. Лексика поэтической речи. Ташкент : Фан, 1990. С. 68.

² Назаров, Б. XX аср узбек адабиёти тарихи. Ташкент, 1999. 481 б.

³ Нун – название арабской буквы, очертанием своим напоминающей серп рождающейся луны

⁴ Орипов, А. Сайланма : Шеърлар ва драматик достон. Ташкент : Шарк, 1996. 119 б.

⁵ Арипов, А. Удивление : стихотворения и поэмы. Ташкент, 1985. 20 с.

⁶ См.: Ахмедов, А. Использование огузских элементов и вариантов в истории узбекского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 2006. С. 19–20.